



НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Евгений ЩЕПЕТНОВ

**КОРПОРАЦИЯ
ЧУМНАЯ ПЛАНЕТА**



**МОСКВА
2015**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Горбачика*

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 Корпорация. Чумная планета : [фантастический роман] / Евгений Щепетнов. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с.

ISBN 978-5-699-82310-9

Жизнь беорийца Слая Донгара, менеджера по продажам, однообразна и уныла. Суть его профессии не менялась спустя тысячелетия звездной эры. Грезы о полетах давно покрылись пылью. Даже получение неожиданного наследства не вызывает радости, ведь он унаследовал не миллионы кредитов, а лишь старый космический грузовик и кучу долгов. А может, это шанс все изменить? Нужно только отбросить сомнения и стать тем, кем всегда мечтал, — капитаном межзвездного корабля! По неопытности Слай попадает в неприятности, зато обретает верных друзей. Их ждут жестокие бои, космические погони и секретные задания...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82310-9

© Щепетнов В., 2015
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2015

Глава 1

— Дзззз... Дзззз... Дзззз...

Слай вытащил из-под головы мокрую от пота подушку и с силой метнул ее в источник звука.

— Дзззз... Дзззз...

Звук не пропал. Он впивался в мозг, проникал до самой его сердцевины, и через несколько секунд — долгих секунд, надо сказать! — Слай понял: он обречен. Обречен слушать этот проклятый сигнал, и он точно не сулит ничего хорошего. Потому что это сигнал видона, который не сдох вчера, когда получил порцию шипучки прямо в свое гладкое рыло.

Эта неделя была худшей в жизни простого менеджера, торгующего чрипсами. Началось с того, что гравтобус врезался в красномордого ренака, припершего груз псанов на своем древнем грузовике, по которому пробегали голубые искры из-под пробитой гравизащиты. Ренак с завидным умением и основательностью, достойной настоящего селянина, лобовым ударом вывел из строя двигатель гравтобуса, и пассажирский аппарат со скрежетом прочертил днищем пластбетонную дорогу, по которой ветер мел обертки из-под проклятых чрипсов.

Слай еще тогда заподозрил, что это знак: с обертки ухмылялась и показывала язык анимационная картинка, изображающая будуга, сладострастно пожиравшего проклятые печенья, сделанные из таких же псанов, что вывалились из разбитого грузовика ренака. Уши будуга, похожие на чаши гравирара, оттопыривались в стороны, а черный язычок, облизывающий печенья, напоминал о бренности бытия, о том, что все когда-то будем на том свете и ответим за свои прегрешения перед Создателем, и вот такие проклятые будуги станут жрать грешников, предварительно облизав их с ног до головы!

Слай в детстве увлекался историей человечества, и эти самые будуги очень напоминали чертей — так, как их изображали древние авторы.

Слай как-то в офисе заикнулся о том, что не стоило бы в качестве рекламной картинке ставить изображения чертей, но был встречен совершенно тупым и презрительным взглядом старшего менеджера. Тот не интересовался ни историей, ни древними верованиями, ничем, кроме набивания своих «карманов» деньгами в валюте любой планеты, а лучше — в Имперских Кредитах, сокращенно ИК. Ему посоветовали не лезть не в свое дело и увеличить объемы продаж, иначе он рискует остаться без такой «жирной» работы, как менеджер по продаже чрипсов.

Слай не назвал бы такую работу очень уж выгодной — сидеть на видоне, обзванивая потенциальных клиентов, рассылать коммерческие предложения — что может быть отвратительнее этой работы? Когда каждый потенциальный клиент,

оторвавшийся от созерцания девиц в глобальной планетной сети ради того, чтобы ответить некому болвану двадцати восемью лет от роду, ненавидит тебя лютой ненавистью — тем более что он такой же униженный и обиженный болван, как и ты! Вот только ты в роли просителя, а значит, можно потянуть из тебя нервы, погнуть, испортить настроение, чтобы потом с чистой совестью снова открыть портал знакомств и уткнуться в прелести очередной блудницы, мечтающей не о нищем болване-менджере, а как минимум о капитане межгалактического боевого линкора, одетом в красивую форму и обладающем жирной кредиткой. А главное, улетающего в патруль на долгие месяцы, оставив жену с неограниченным доступом к семейному капиталу.

Как следствие, после аварии Слай опоздал на утреннее совещание, и ему было заявлено, что работает Слай последнюю неделю — до пятницы. Фирма сокращает работников в связи с падением продаж проклятого печенья, и руководство решило избавиться от балласта — надо понимать, его, Слая Донгара! Он балласт, мать их!..

Проклятые идиоты! Они не смогли по своей тупости увеличить продажи продукции, а расплачиваться должен простой менеджер, который, кстати, не раз и не два доказывал, что продавать можно больше, гораздо больше! И продавал. На свою-то дурацкую голову.. Ведь каждый менеджер получает жалованье от суммы заказа — казалось бы, работой сколько влезет!

Хитрая система. Когда Слай пришел в фирму, ему радостно сообщили, что он будет получать

много — очень много! Если будет много работать. Главное — выполнять план. Продал чрипсов на сто кредитов — получи два кредита на карточку! Как только деньги пришли. В том случае, если ты выполняешь план. Не выполнил план — тебе ничего не платят. Ну... почти ничего. Так, чтобы с голоду не сдох — что-то вроде пособия. Нищие, которые не желают работать, и то больше получают. Наверное... До такого уровня падения Слай еще не дошел, так что точная сумма пособия для безработных ему неизвестна.

Слай, как дурной, бросился в «бой», как будто уже не обжигался в своей не очень простой жизни. В первые же дни он заключил столько контрактов, что... начальство серьезно обеспокоилось, а коллеги-менеджеры начали смотреть на него злыми бугерами!

Через три дня к нему подошел один из парней, Мориц Силов, и тихо, на ушко, объяснил, почему Слай — идиот и как надо жить в этой фирме, если не хочет как-нибудь получить по башке — для активации остатков разрушенного галлюциногенами мозга. Ведь если он продолжит свою идиотскую деятельность в том же ключе, то через неделю план подымут, и все они будут работать гораздо больше, а получать столько же, сколько и сейчас! А оно ему надо? Если ему надо — так другим не надо! И они сделают все, чтобы убрать такую долбоособь из здорового коллектива, вплоть до физического его устранения путем засовывания в чан для перемешивания мерзкой массы, из которой и пекут чрипсы, так любимые жителями побережья.

Слай все понял и быстро свернул свою бурную деятельность, став одним из незаметных винтиков заштатной конторы, паразитирующей на дурном вкусе ренаков побережья. Начальство облегченно вздохнуло, посчитав всплеск активности нового сотрудника результатом вспышки на голубом светиле, коллеги оценили сообразительность нового товарища и простили его опрометчивый поступок — все иногда тупят.

Два года. Целых два года он продержался, все больше тупея, погружаясь в болото скучной и пустой жизни. Работа, арендованная квартирка с исцарапанными стенами, по пятницам — посещение бара с галлюциногенами и девками, на которых утром, без маски иллюзий, слетевшей с них за ночь, и глянуть-то страшно...

Семья? Какая семья при такой работе? Какая приличная девка пойдет замуж за простого менеджера с заштатной аграрной планетки со сто-миллионным населением, разбросанным по громадному материку, словно огромный корабль, плавающему посреди зеленого океана, полного опасных, но довольно-таки вкусных тварей?

Мама пыталась найти Слаю какую-нибудь партию: то дебелую девицу, дочь общих знакомых, то разведенку с ребенком — уси-пуси, смотри, какой хорошенький! — но из этого всего ничего не вышло. Дебелая девица была толстоватой, широкой, как шкаф, от нее пахло чем-то кислым. Даже если бы Слай закрыл глаза и представил, что находится не с ней, а с победительницей планетарного конкурса красоты Джеленой Гостас — ничего бы не вышло. Запах указал бы

ему на реалии жизни, врезав по носу кислотной правды.

С разведенкой вышло еще хуже: он переспал с ней раз пять, и на том завершилось — не без переживаний. Так-то девица была ничего, соблазнительная, вот только никак не могла держать себя в руках — очень уж любила мужчин. Застав ее как-то в компании сразу трех мужиков отвратно-клубной наружности, Слай решил, что это слишком даже для него, не сторонника моногамии, и покинул ее квартиру, сопровождаемый жалобными криками о том, что это не то, о чем он подумал, и что это просто деловые партнеры, зашедшие обсудить сделку по продаже блоков к гравипланам. Возможно, что она не обманывала и это в самом деле были ее партнеры по бизнесу, вот только Слай не понимал, как можно обсуждать сделку совершенно голыми, да еще и в «боевой готовности», и чем это может продвинуть бизнес.

Так что семейная жизнь, и вообще жизнь, у Слая не задалась. В пятницу он набрал самых злых галлюциногенов — часть из них запрещена Министерством Здоровья Планеты, — как следует нажрался, чтобы этим несчастным субботним утром проснуться от дзыканья проклятого видона.

Скорее всего, звонила мама, у которой он накануне занял сто кредитов. Занял, конечно, понятие растяжимое — Слай в жизни никогда не отдавал маме долгов, но нужно же соблюсти хоть какое-то лицо, не сознаваться же самому себе, что на двадцать девятом году жизни ты, как про-

клятый паразит, сосешь кровь из мамы, получающей не такую уж и большую пенсию за отца, погибшего на героическом крейсере «Гордость Империи».

Эта ржавая «Гордость» двадцать лет назад протаранила линкор беаргов во время Десятидневной войны, повредив его маневровые двигатели, и тем самым переманила богиню победы на сторону имперского карательного корпуса, который воспользовался беспомощностью дредноута мятежников и раздолбал корабль с мстительной радостью людей, только что напугавшихся до выпуска штаны.

Уже став взрослым, Слай закономерно начал подозревать, что с этим подвигом было не совсем чисто — он ведь все-таки интересовался историей и выяснил, что крейсера подобного класса были ржавыми рухлядями, снятыми с производства несколько сотен лет назад в связи с тем, что управляющий мозг, от которого зависит жизнь на корабле, именно на этих крейсерах отличался особой дурью. Он время от времени как бы сходил с ума, терял управление и под вопли гибнущей команды летел туда, куда Создатель пошлет, напроочь игнорируя приказы командира.

Такие крейсера, некогда выпускавшиеся большой серией, оставались лишь на захолустных планетах вроде Беории, на которой угораздило родиться Слаю.

Голубое солнце, поливающее жесткой радиацией, сила тяжести 1.5g — в общем, не такой уж и курорт, как можно было бы подумать. Основная деятельность населения — добыча полезных

ископаемых (автоматизированно!), ловля морских гадов, мясо которых ценится в пределах шарового скопления и даже, как говорят, на самой Земле. Ну, и самое главное — поставка пушечного мяса для всех типов звездолетов, от линкоров до обычных торгашей и почталыонов.

Неплохо иметь на корабле пилота с Беории: во-первых, не так боится перегрузок, если нужно совершить посадку на планете с повышенной силой тяжести или необходимо совершить маневр при отказавшей корабельной гравитации, а во-вторых, ему, пилоту, можно не бояться радиационных протечек такого уровня, какой гарантировал смерть обычного человека, не привыкшего к жесткому излучению.

Чем устанавливать хорошую защиту — не лучше ли нанять дурака с Беории, который будет согласен работать и в таких скотских условиях? Риторический вопрос.

Не зря многие пилоты и механики с других планет недолюбливали беорийцев, отнимающих у них законный заработок, а еще — «портящих» работодателей, экономящих на хорошей защите. Попробуй заикнуться, что стоило бы установить более мощные и, как следствие, более дорогие экраны! Тут же тебе дуля в нос и обещание, если не заткнешься, нанять беорийца — притом за гораздо меньшие деньги, чем те, что получает избалованный, «мягкий» уроженец Земли или Цинтии, планет, где климат похож на райский сад.

Слай никогда не был на Земле, но предполагал, что все это именно так и есть на планете-Праматери — истинный рай! Видон на что?

Целыми днями крутят фильмы, в которых стройные светлокожие красотки нежатся в объятиях белокожего красавца, плескаясь в лазурных волнах земного океана. И никто при этом не откусывает им конечности! Что на Беории совершенно невероятно.

Слай давно бы уже отправился в космос — как его отец, как поколения предков, выросшие на Беории, словно в питомнике для пилотов, если бы не одно «но»: мама была против. Очень против. Она так и не вышла замуж, посвятив жизнь маленькому сыну, и воспитывала его — как могла — на протяжении более двадцати лет.

Школа, колледж — само собой, с уклоном в навигацию, это же планета пилотов, не просто так! — а потом... бесконечная вереница фирм и фирмочек, в которые мать засовывала своего непутевого сына.

Сколько их было, этих фирм? Слай уже сбился со счета. Фирмы, торгующие металлом, комплектующими к звездолетам, к видонам, к гравибусам, к... да черт-те к чему! Офисы, рожи — все слилось в бесконечный серый поток будней, захлестывающий, как приливная волна красной луны, оставляя после себя копошащиеся на берегу мертвые мечты и планы, все больше и больше затягивающиеся глухим илом быта.

Нет, он не винил мать и даже не собирался ее ненавидеть, как это принято у молодого поколения, с каждым годом становящегося все отвратительнее и гаже — по крайней мере со слов пожилых беорийцев. Он любил мать. Кроме нее, в этом злом мире у него, если разобраться, боль-

ше никого и не было. Однако Слай предпочитал жить не дома, а на съемной квартире, чтобы совершенно не утонуть в удушающей материнской любви, доводящей до иступления, до бешенства, до безумия, когда хочется разбить о стену видон... или голову, когда хочется обругать, нахамить любимой мамочке, в очередной раз требующей что-то съесть или надеть — а то напечет голову или продует.

Как только Слай заработал первые деньги — он съехал из материнской квартиры под причитания, слезы и жалобные крики мамули, с трудом удерживая себя от того, чтобы не вернуться назад. Привычка, что поделаешь?

Впрочем, иногда он жалел об этом шаге, особенно когда оставался один долгими выходными днями, когда хотелось услышать хоть кого-то родного, того, от кого не ждешь пакости, удара в спину.

Но проходили выходные, наступали будни, и снова засасывала серая рутинa — разговоры, разговоры, разговоры... когда мечталось забиться в нору и не видеть ни одной примелькавшейся рожи, чертовски надоевшей в этом клятом — до самого маленького пятнышка на столе — знакомом офисе.

И вот — в очередной раз все кончилось. И вот — очередное пробуждение. После потери работы...

Дзззз... Дзззз... Дзззз...

Слай протянул руку и шлепнул ладонью по неубиваемому видону, в который он вчера мстительно налил хорошую порцию галюцина.

«Попей, сучонок! Будешь еще по утрам беспокоить?!»

Видону, само собой, галюцин навредил так же, как пушки беорийского крейсера беаргскому линкору, то есть никак. Эти пакостные аппараты делали на века — только бытовым аннигилятором можно уничтожить. Или сунуть под удар корабельной пушки.

Видон мгновенно отсканировал ладонь хозяина, и над кроватью возникло голубое окно с виртуальными окнами управления. Слай ткнул в окошко громкости, дзыканье прекратилось, и комнату наполнил голос мужчины, бархатный, красивый, какие бывают у актеров, адвокатов и высококлассных мошенников, впаривающих людям то, что им совершенно не нужно, — например, поганые печенья из клубней, произрастающих на полях тупых ренаков.

Из первых же слов мучителя, поднявшего Слая в такую рань, да еще в выходной день, понял: это был худший вариант мутации человеческого рода — стряпчий. Стоит попасться этим прожорливым гадам в их потные руки — разденут, разуют, по миру пустят с голым задом, да так, что ты еще и будешь благодарен за то, что оставили в живых, и только лишь разорили. По крайней мере так говорила мама, имевшая дело с одним стряпчим, который выбивал для нее законную пенсию по потере кормильца от Империи, что, как всегда, наплевала на героя, грудью вставшего на защиту денежных потоков, идущих из провинции в карманы богатеев, обступивших трон Императора Земной империи. Тот стряпчий едва не разорил маму, содрал с нее такие деньги, что она расплачивалась за услуги жадного адвокатишки несколько лет подряд.